

УДК 101.1 : 316

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

Панищев А.Л.

*Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета,
Курск*Подробная информация об авторах размещена на сайте
«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

Данная статья посвящена проблемам отношений между поколениями. Основными факторами, сохраняющими связь поколений, названы история нации и язык, которые надобно беречь и охранять посредством правовых норм. Особое внимание в вопросе регулирования отношений между поколениями уделяется праву.

Извечная проблема отношений между поколениями является, пожалуй, одной из наиболее обсуждаемых. Однако популяризация данного вопроса отнюдь не всегда способствует его всестороннему анализу. Как правило, вопрос взаимодействий между поколениями рассматривают в морально-этическом ключе и в свете воспроизведения культурной традиции. Тем не менее следует понимать, что культурное наследие не должно быть выхолощенной фикцией, слепо передаваемой и принимаемой от одних людей к другим. Всякая культура, если она не является бесследно ушедшей в историю, выдвигает определённые требования к человеку, которые фиксируются как в традициях, так и в правовых актах. Если традиции и законы прекращают быть действенными для общества, то они становятся мёртвыми, что обесценивает, лишает смысла сам факт их передачи из поколения в поколение. Более того, непонимание, недостаточная осмысленность своей культурной традиции, её слепая реставрация приводят к стагнации культуры, а далее – к упрощению социальной системы, обеспечение которой уже не требует развитого интеллекта нации. Чтобы сохранить смысл традиций культуры, её содержание, важно не только знать историю культуры, но и не утратить интеллектуального потенциала нации, развивать правовую базу культуры, беречь духовный мир человека.

Г. Маркузе в 1950-х годах в работе «Эрос и цивилизация» справедливо отмечает, что сама по себе цивилизация, как форма бытия человека в обществе, есть средство для нормативной организации биологической жизни индивида. Обеспечивая нормативное проявление его внутренней энергии, цивилизация позволяет дать человеку время для того, чтобы он прошёл определённые этапы своего личностного развития, которые подготовили бы его к семейной жизни. Для достижения этого цивилизация, в основном посредством системы производственных отношений, предъявляет немало требований к человеку, во многом ограничивающих его свободу. Поэтому-то Г. Маркузе указывает: «Несвобода и принуждение – вот цена культурной свободы и прогресса» (Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002, с. 22). Всё же, так или иначе, но развитие технологий приводит к высвобождению рабочего труда и времени, что автоматически снижает эффективность решения тех проблем, которые цивилизация призвана снимать или, по крайней мере, ослаблять их остроту. В результате масса высвобожденного времени и сил даёт о себе знать в других непрофессиональных областях, в коих очевидно, нескрывая преобладает развлекательная культура, основанная главным образом на принципе удовольствия. Более того, к вышесказанному следует добавить то, что эти процессы происходят на фоне усложнения социальных от-

ношений, выдвигающих всё большие и большие требования к профессиональным и личностным качествам человека. Если в аграрном обществе время, когда человек сможет содержать семью, обозначается примерно 18 годами, то есть физическим развитием человека, предполагающем способность мужчины работать на земле, то в современном мире ситуация уже совсем иная. Кроме минимально необходимого школьного образования, гражданину следует в весьма сложной системе социально-правовых отношений получить специальное образование и найти достаточно оплачиваемую работу. Поэтому-то время для решения семейного вопроса оттягивается на столь продолжительный срок, что в итоге такое обстоятельство, тягостное для человека, нередко становится для последнего стрессором. «Любого рода удовлетворение требует работы, т. е. более или менее болезненных мер и предприятий ради приобретения средств удовлетворения потребностей. Однако вследствие длительной работы, заполняющей практически полностью существование зрелого индивида, удовольствие "затягивается" и преобладает боль» (Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002, с. 37). Показательно то, что в XXI веке, даже в странах ислама, уже не принято рано обзаводиться семьёй. Так, в исламской республике Иран девушки обычно выходят замуж примерно в 25-29 лет, что в аграрном обществе случалось крайне редко. Конечно, не следует считать, что в Иране люди решают семейную проблему через такое социальное явление, распространённое во многих европейских странах, как, так называемое, сожитительство (что в принципе во многом лишает индивида чувства человеческого достоинства и, в общем-то, по сути является недопустимым). Безусловно, такого в Иране нет, тем более что в этой стране за внебрачные интимные отношения законодательством полагается жёсткое наказание, вплоть до смертной казни (я ни в коем случае не разделяю такой столь безжалостный, беспощадный подход к решению проблем морали). Однако в светских странах, предполагающих некую культурную безликость позитивного права, многие нормы морали принимают условный характер, ставя в

один ряд правовой поступок с допустимым поступком по принципу: «то, что не запрещено, то разрешено». Например, такое явление, как сожитительство, не считается преступлением, поэтому-то, согласно закону и общественному мнению светского общества, не существует столь уж принципиальной нравственной разницы между человеком, живущим в законном браке, и индивидом, живущим вне законного брака: юридического преступления нет в обоих случаях, а, следовательно, и один и другой образ жизни расцениваются как равнозначные. По сути такой факт превращается в своего рода прелесть, которая подкупает человека возможностью грешить, не нарушая при этом закона. Ведь ещё Ф.М. Достоевский верно подметил: «Правом на бесчестье всего легче русского человека за собой увлечь можно» (Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 8. – М., 1982, с. 374). Примечательно то, что в условиях такого права на бесчестье, распространённого в обществе, происходит вырождение человеческой природы, что в итоге приводит к тому, что «качественная перемена в развитии сексуальности необходимо влечёт за собой проявление инстинкта смерти» (Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002, с. 123). Господство же в обществе инстинкта смерти означает не что иное, как умирание культуры, которая уже не выполняет своих гуманистических, духовных, компенсаторских функций. Юридический закон, оторванный от естественного права, основанного на априорных знаниях, становится на защиту как должной свободы человека, так и порока, в общем-то, предполагающего несвободу. В условиях «мёртвой» культуры никакое законодательство не в силах обеспечить разумных отношений между поколениями. Соответственно, при анализе взаимоотношений между поколениями немаловажно рассмотреть не только систему правовых отношений, но и совокупность духовных факторов, определяемых особенностями воспитания и образования индивида.

В качестве одного из аспектов, который необходимо учитывать при анализе отношений между поколениями, следует назвать то, что качество и количество зна-

ний, необходимых для жизни человека в культуре, имеют тенденцию к постоянно-му усложнению и увеличению. То наследие, которым нация гордится из года в год, требует своего изучения, осмысления и осваивания; чем больше исторического опыта у государства, тем более развитое историческое сознание и историческая память требуются от его граждан. Испанский философ-экзистенциалист Х. Ортега-и-Гассет замечает: «Разрыв между уровнем современных проблем и уровнем мышления будет расти... и в этом главная трагедия цивилизации» (Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002, с. 85). Действительно, помимо накопления культурной информации, происходит развитие техники и самого общественного организма, в котором надобно осваиваться. Если подойти к проблеме с теоретической точки зрения, то более развитое культурно-историческое сознание представляет собой основу для цивилизационного развития, технического роста страны. В действительности же, в обществе становится очевидным нежелание поколения осваивать культурную традицию, всё чаще и чаще происходит прямой бунт против своей культуры. Этот бунт усугубляется на фоне искусственного очернительства истории нации, обесценивания её культурных ценностей. Отмечу то, что отдельных людей, особенно в подростковом возрасте, не так уж сложно склонить на отказ, отречение от своей культуры, если последнюю унижить, показать её несостоятельность; при общем обесценивании культурной традиции в общественном сознании меркнет наследие и классиков. Между тем один из них – Ф.М. Достоевский – справедливо отмечает: «Если великий народ не верует, что в нём одна истина... то он тотчас же перестаёт быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал...» (Достоевский Ф.М. Бесы // Собр. соч. в 12 т., т. 8, М., 1982, с. 245). Ныне в сознании нации искусственным образом смогли вжиться такие аналогии с бытом русской культуры, как пьянство, воровство и сквернословие. Здесь следует прибегнуть к констатации того факта, что сквернословие на Руси было крайне редким, локальным явлением, рассматривалось как хула

против Бога, за что, кстати, согласно государственному закону, полагалось наказание розгами. Значительная же часть современных подростков даже не в состоянии представить себе образ полноценного человека, свободного от матерной брани. А между тем ещё живут ветераны Великой Отечественной войны, которые на фронте, среди страшных страданий, в условиях постоянного стресса ни разу не слышали непристойной ругани. По крайней мере словесная разнузданность людей была нечаста, единична, своеобразным феноменом, считавшимся унижающим человеческое достоинство, а посему со стороны окружающих не встречавшим поощрения. Воровство также было явлением, даже не столько редким, сколько случайным, фрагментарным, совершившимся в силу житейских обстоятельств. Если обратиться к нашему историческому прошлому, то можно найти множество примеров моральной чистоплотности, порядочности русских людей, образ жизни которых поражает наших современников. Так, великолепные Золотые ворота во Владимире, построенные в начале XII века, были украшены листами из чистого золота. Эта русская святыня оставалась нетронутой до появления под стенами града монголо-татарского войска. Если же исследователь обратится к архивным данным, то увидит, насколько велики были крестьянские хозяйства, содержание которых никак не могло осуществляться людьми, зависимыми от вредных привычек, например алкоголя. Несмотря на это, многие граждане России считают, что спиртное и сквернословие – вполне естественные явления для русской культуры. Конечно, когда унижение русской культуры происходит в иных странах – это вызывает обиду, но всё же тут всё более или менее понятно: чужестранцы, далёкие от нашей России, от нашей культуры. Так, не вызывает удивления, что в американском фильме «Армагеддон» русский космонавт является пьяным, в довольно-таки неприглядном виде. Собственно говоря, во многих фильмах, произведённых на киностудиях в США, слово *русский* является синонимичным слову *алкоголик*, а то и слову *лентяй*. Однако вызывает недоумение и опасение

другое: почему в самой России демонстрируют такие заокеанские фильмы, по сути служащие делу разрушения, ослабления и унижения русской культуры? Без сомнения, подобные, искусственно навязанные русскому человеку ложные убеждения основаны более на вере в нечто низменное, санкционирующее современное бесчестье. Здесь срабатывает принцип, некогда озвученный В.М. Шукшиным: никогда хорошо не жили и незачем начинать. К сожалению, подобные фразы лишь усугубляют положение дел, ибо нация, погрязшая в грехе, будет массово, слепо, сектантски верить в грех, не требуя его обоснований – главное, чтобы жилось комфортно и ничто не нарушало их согласия с пороком. В этом случае пошлость, разврат, цинизм и жестокость нередко превращаются в нормы повседневной жизни, становятся привычными, как бы само собой разумеющимися. Между тем старые поколения, жившие согласно обычным нормам, медленно, но неуклонно уходят из жизни. Эти поколения соблюдали самые элементарные (сейчас кажущимися строгими и высоко-нравственными) принципы достойной жизни. Соответственно, эти люди стремились к духовной чистоте, благородству, высокой культуре, что проявлялось и в речи, и в поведении, и в бытовой культуре. Эти поколения уходят... А кто придёт им на смену?

Продолжая тему исторической памяти, полезно вспомнить Э. Фромма, который считал, что чувство исторических корней есть экзистенциальная потребность человека. Без такого чувства невозможно развитие индивида и общества, а осквернение этого чувства приводит к унижению сознания, впитавшего в себя историю своей нации. Вполне закономерным следствием такого попраяния может стать явление массового бесчестья, то есть лишение нации способности определять свою сущность и свои действия в категориях самоуважения. Между тем человек, воспринимающий слово *честь* как благоглупость или некий абсурд, фактически уподобляется пассивной материи, применение и форма которой зависят от того, в чьих руках она окажется.

Соответственно, при выработке форм отношений между поколениями необходимо обращать внимание на их историческую общность, которая должна быть если не идентичной, то иметь общие принципы, связанные с идеями справедливости, добра и человеческого достоинства.

Другим не менее важным фактором, объединяющим поколения, является язык, прежде всего литературный. Длительное время многие слова в русском языке были семантически достаточно устойчивыми и понимались из поколения в поколение однозначно. Например, под словом *закон* долгое время подразумевалось в основном следование принципам Священного Писания и соблюдение норм общественной морали. Тем не менее в процессе секуляризации закон стал трактоваться, прежде всего, как утверждение ответственности человека перед государством и, более того, такое понятие, как *долг*, начало употребляться не столько по отношению к человеку, сколько по отношению к государству. В принципе вся советская модель общественного развития была основана на идее обязанности и долга человека перед страной, где личность как ценность отходила на второстепенный план.

В конце XX века крушение СССР означало не только смену одного государственного строя другим; одной из важнейших причин развала СССР стало падение престижа государства. К сожалению, восстановить престиж, авторитет государства до необходимого уровня не удалось. Кстати сказать, само понятие *авторитет* нередко в определённых кругах общества стало обозначать не человека, пользующегося уважением в силу его духовно-интеллектуальных качеств, а индивидуума, который имеет зримую или незримую власть над людьми, основанную, как правило, на насилии и страхе. Здесь имеет место корреляция между семантикой слова и тем объектом, который данное слово обозначает. Трансформация восприятия объекта ведёт к изменению смысловой нагрузки слова, которым ранее он обозначался. Тем не менее смена семантики слова вовсе не ведёт к окончательной утрате его старого значения; оно остаётся, и, помимо того, наличие различных смыслов у

одного и того же слова позволяет использовать его более гибко, что подчас характеризует человека, наделяющего слово определённым смыслом. «Язык... свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе» (Лихачёв Д. С. "Как говорить" // Письма о добром и прекрасном. - М., 1989.- С. 77). Не вызывает сомнения то, что у людей, сохранивших в себе уважение к личности, порядочность и благородство, слово *авторитет* ассоциируется с умным, высоко нравственным человеком, и, услышав это слово в нейтральной среде, они подумают именно о такой личности. Однако для индивидуума, которого так или иначе коснулась деструкция базовых ценностей общества, понятие "авторитет" отождествляется с представителем криминального мира. Само по себе слово нередко может как иметь, так и не иметь той или иной нравственной нагрузки, но в субъективном восприятии человека, привыкшего мыслить внеморальными ассоциациями, оно приобретает отрицательные коннотативные смыслы. «Если человек взирает на объективно значимые предметы, а воспринимает пошлые содержания, то это коренится в субъективных недостатках его воспринимающей души и её актов», - писал Иван Ильин (Ильин И. Аксиомы религиозного опыта. М., 2002. – С. 299). Человек, привыкший мыслить негативными значениями и придавать словам отрицательные смыслы, сам незримо для самого себя принимает их как органичные составляющие своего сознания. Вспоминаются священные строки: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Евангелие от Иоанна, 8 : 34). В данном случае язык, отражая внутрисоциальный раскол по нравственно-культурному признаку, служит механизмом самоидентификации определённой субкультуры. Так, московский специалист по языкознанию С.Г. Тер-Минасова пишет: «Разрыв между культурами, их конфликт возможен не только в виде столкно-

вений родной и чужой культур, но и внутри своей, родной культуры, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения уже не помнят, не знают, не понимают культуры и мироощущения своих предков» (Тер-Минасова С.Г.. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. - С. 89). Приходится с горечью отмечать тот факт, что современная социокультурная ситуация в России свидетельствует не только о разрыве русского народа с традициями (по принципу Гераклита «панта рей» - «всё течёт» - это вполне естественно), но и говорит об общем упадке нравственных устоев. В настоящее время Россия представляет собой государство, объединившее целый ряд разных отчуждённых друг от друга, в том числе по лексическому принципу, языковых сред. В данном отношении по-прежнему актуально высказывание русского философа-мистика Н.А. Бердяева: «Пустые, потерявшие реальный смысл слова не подпускают людей друг к другу» (Бердяев Н. Философия свободы. - М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2002. - С. 96). Воспринимаемая как необходимая для научного знания и выбора жизненных ориентиров сама попытка при помощи лексики дать рациональное объяснение таким понятиям, как *доброта*, *порядочность*, свидетельствует о значительном упадке нравственности в обществе, о глубокой отчуждённости людей. Н.А. Бердяев заметил: «Когда я говорю с братом по духу, у которого есть та же вера, что и у меня, мы не уславливаемся о смысле слов и не разделены словами, для нас слова наполнены тем же реальным содержанием и смыслом, в наших словах живёт Логос» (Бердяев Н. Там же). Между тем непонимание культурного значения, смысла слов приводит к подмене их содержания, что подчас крайне пагубно сказывается на мышлении человека. Н. Гумилёв весьма тонко и верно отмечает:

*В оный день, когда над миром новым
Бог лицо склонял Своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

*И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жалась в ужасе к луне,
Когда, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине...*

*...Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь мирских тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово – это Бог.*

*Мы ему отметили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье запустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.*

Однако на фоне социального рас-слоения российского общества языковая неоднородность культуры лишь усугубляет проблему отношений между поколениями. Во этих процессах язык имеет важное значение и во многом является свидетелем отрыва русского народа от основ своей культуры. Одним из результатов данных процессов стало неоправданное принятие ряда иностранных слов и искажение смысла исконно русских слов. Конечно, смысловая нагрузка первых в языковой среде России меняется, что вполне естественно. Утрату первоначальных значений иноязычных слов языковеды часто связывают с силой русского языка, в котором определенные понятия могут быстро адаптироваться к особенностям ментальности русского народа. В некоторой степени это действительно так. Русский язык обладает значительным познавательным потенциалом, позволяет гибко мыслить, строить рассуждения в виде динамичной системы. Однако трансформация семантики иностранных слов в русской языковой среде может найти и другое объяснение: недостаточно высокий уровень компетентности и духовного развития общества. Приведем только один из множества примеров. «Вавилон» - имя, обозначающее «мать блудницам и мерзостям земным» (Новый Завет, Откровение Иоанна Богослова, 17 : 5) и название города, погибшего в пропасти бездуховности, - используется для названия коммерческой фирмы... Подобные названия преследуют рекламные цели, а их эффективность для создания широкой известности с целью привлечения потребителей, клиентов достигается благодаря невысокому уровню образованности и нравственности многих людей. Тем не менее сами слова по-прежнему, независимо от того, какую форму они обретают в социальной среде, так или иначе влияют на подсознание человека, и те зна-

чения, которые ранее имели эти слова, теперь становятся органичной частью мировоззрения человека и во многом характеризуют уровень его духовной культуры. Н.А. Бердяев, например, полагал, что слова имеют магическую власть над нашей жизнью, «действуют, как самостоятельные силы, независимые от их содержания» (Н.А. Бердяев. Там же, с.455). В сознании многих людей название города "Вавилон" ассоциируется с наиболее ярко выраженным пороком, что свидетельствует о некой метафизической сущности слова, незримо для человека влияющего на его подсознание. И одним из важных показателей нравственного кризиса общества является то, что слово, изначально несущее негативный смысл, стало использоваться для привлечения людей. В конечном счёте слова, используемые в рекламных, коммерческих целях, нередко становятся пустыми, и вместе с тем они всё больше и больше влияют на характер мышления и выбор модели поведения человека. Именно «в атмосфере несвободы процветают пустые слова и они непроверяемы», - подмечает Н.А. Бердяев (Н.А. Бердяев. Там же, с. 460).

Конечно, широкие возможности использования одного и того же понятия в различных контекстах делают психику человека более гибкой, мышление – более творческим, разнообразным, что в значительной мере связано с возможностью осуществления довольно-таки обширного выбора значений используемого слова. Одно и то же слово в разных смысловых значениях может совершенно по-разному повлиять на сознание человека. «Для одних слова – жизнь, реальное действие, для других слова – лишь слова, лишь название, лишь звуки», - утверждает Н. Бердяев (Бердяев Н.А. Там же, с.97). Кстати, в одном из стихотворений М.Ю. Лермонтова есть строки, в коих тонко подмечается данная особенность слова:

*Есть слова - объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой.*

*О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет мои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!*

Здесь очевидно то, что язык выступает существенным фактором, оказывающим значительное воздействие на ментальность человека. Тем не менее особенности психики последнего предоставляют нам ряд случаев, когда даже убеждения нуждаются в проверке и в доказательстве их правильности. Почему же это так? К сожалению, большинство людей не знают о степени влияния «засорённости» языка на их психику. Общество провозглашает возвышенные, благородные цели и идеалы высокой нравственности, к которым необходимо стремиться, одновременно требуя больших, подчас революционных духовных перемен. Как правило, при этом язык понимается только как инструмент общения, отнюдь не определяющий сути человеческого бытия, содержания его духовного мира. Человек не может сохранить чистоту своих мыслей, красоту своего внутреннего мира, высокую духовность, если в его индивидуальный лексикон проникают «грязные» слова. Подчас слова, используемые индивидуумом, не только отражают его нравственный облик, но и определяют степень его духовного развития, а значения, которые несут в себе слова, становятся органичной частью его мышления. П. Флоренский писал: «Слово, порождение всего нашего существа в целостности, есть действительно отображение человека... А чрез меня слово отображает и несёт с собой влияния, стекшиеся в меня от тех, кто образовал мою личность...» (Флоренский П. Флоренский П. Христианство и культура. М., 2001, с. 262). Заметим, что человеку всегда было сложно осознать необходимость работы над своим духовным и, соответственно, нравственным обликом. На это указывали в средние века Августин Блаженный, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, в новое время – Кант, посвятивший ряд работ по исследованию этики, нравственности, анализировавший эти категории с позиций рационализма. Мы также обратим внимание на то, что люди, в общем-то, редко задают себе во-

прос о природе порока прежде, чем окануться втянутыми в безнравственный образ жизни. Однако подчеркнём: для того, чтобы начать или продолжить своё нравственное восхождение, человек ищет рациональные обоснования этим стремлениям.

А язык?.. Не выполняет ли он зачастую функции библейского змия, предложившего Адаму познать запретный плод, поставив под сомнение всё Божественное мироздание?... Доказательность при помощи слов - вот что стало главной ориентацией современного общества и одного из его социальных институтов – науки. Н.А. Бердяев пишет: «Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательней истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины» (Бердяев Н.А. Там же, с. 97). В введении книги «Вопросы жизни и смерти» ("Matters of life and death". New Introductory Essays. Edited by Tom Regan, 1986, New York: Mc Graw-Hill, Inc, p. 17-19) справедливо отмечено, что рационально доказать и обосновать можно даже бесцельное, жестокое убийство, однако наши моральные убеждения всё равно видят во зле зло, а в добре – добро. Авторы данной книги фактически обратились к априорным знаниям, которые всегда, как бы ни было построено предложение, каким бы ни было гармоничным созвучие слов, сохраняют в человеке понятия о морали и нравственности.

С помощью логических рассуждений всё же весьма затруднительно отразить внутреннюю сущность исследуемого объекта. Е.Г. Эткинд, проводя анализ одного из стихотворений М.Ю. Лермонтова, очень точно сравнил слово с материей: «...а материя не может передать духовной жизни, надо осуществить какой-то перевод, а перевода не может быть, нельзя перевести духовное на материальное» (Эткинд Э. Г. Мысль и слово в поэзии и прозе // Slavic almanach. Volume 6 / Number 9,

2000, UNISA, p 19). Кстати, иногда молчанием можно передать то, что словом передать затруднительно. Слово зачастую рационально обосновано; оно целесообразно в силу того, что человек, использующий слово, служащий источником слова, сам стремится быть рационалистичным и всё логически объяснить. Сама рациональность слова привязана к определённым особенностям сознания человека, стремящегося разумно отражать мир разными способами, например, с помощью слов. Человеку свойственно рационализировать при попытке осмысления явлений мира и принимать, как правило, те объяснения, которые коррелируют с логикой.

В настоящее время в России весьма интенсивно и плодотворно развивается лингвистика, филология, но это развитие происходит преимущественно на основе исследования богатого культурно-философского наследия, оставленного нам такими великими писателями, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, И.А. Бунин, А.П. Платонов, В.Г. Короленко... В постсоветской же литературе важнейшая основа русской культуры – антропоцентризм – в значительной степени оказалась размытой. Между тем антропоцентризм, проявляющийся в глубоком уважении к своему ближнему, а, следовательно, и в самоуважении, является значимой чертой русской культуры. Данная черта наглядно прослеживается в литературных творениях русских классиков, труды которых являются связующим позитивным звеном между поколениями. Укоренение в сознании нации правил русского литературного языка позволит человеку не только оставаться человеком, ибо развитие мышления последнего возможно только на основе литературного языка общенациональной культуры, но и устанавливать разумную связь между поколениями, невзирая на возрастные различия. В первую очередь, процесс освоения человеком литературного языка необходимо начинать со школьной скамьи, жёстко пресекая всякую жаргонную, сленговую терминологию. Уж тем более не допустимо употребление жаргонизмов в устах педагогов, родителей и государственных чиновников,

которые должны являться образцом для подражания.

Следует особо отметить то, что освоение литературного языка обеспечит фундаментальную базу для развития мышления человека, являющемся процессом преобразования содержания сознания в понятийный аппарат. В бытовом языке, тем более в условиях распространения жаргонной терминологии, очень трудно, подчас невозможно найти основу для развития системы понятий. Литературный же язык с его обширным словарным запасом, тонким смысловым чувством обеспечивает возможность для духовного и интеллектуального роста человека.

Такие условия необходимы при всех возможных моделях отношений между поколениями. Например, одна из классификаций моделей отношений между поколениями предложена Т.Г. Стефаненко. В работе «Этнопсихология» (М. 1999 г.) Т.Г. Стефаненко выделяет два типа культур. Первый, постконфигуральный тип культуры, характеризуется *редкой частотой процессов, медленным ходом социальных процессов, а прошлое одного поколения является программой будущего для следующего*. Второй, конфигуральный тип культуры, отличается *преобладанием модели поведения современников при сохранении связи поколений*. В этом типе новообразования усваиваются в течение жизни одного поколения. Соответственно, если функционирование культур будет проходить в здоровой языковой среде, с сохранением национальной истории, то связь между поколениями станет конструктивной в среде любой культуры. Так, в условиях постконфигуральной культуры старшие будут уважительно относиться к младшему поколению, если будут видеть то, что их уровень знания обеспечивает сохранение культурных ценностей. В конфигуральной культуре развитый интеллект младшего поколения обеспечит возможность последующего развития на фоне нерушимости исторически сложившихся и выкристаллизованных духовно-нравственных ценностей. Иначе говоря, сохранение здоровой духовности нации позволит людям уважительно относиться

друг к другу и обеспечит жизнеспособность общества и культурной традиции.

Если обратиться к другой классификации, предложенной Маргарет Мид («Культура и мир детства»), то мы отметим то, что в данной работе рассматриваются три типа культур, первые два из которых схожи с теми типами культур, кои предложены Т.Г. Стефаненко. Постфигуративная культура предполагает неизменную преемственность поколений. В конфигуративной культуре старшие определяют стиль конфигураций и устанавливают пределы её проявления у молодёжи. Однако изменения некоторых воззрений в рамках ранее установленной конфигурации возможны. Третий тип называется префигуративная культура, предполагающая то, что взрослые учатся у своих детей, используя их опыт для дальнейшего развития общности. Данный тип культуры в современном мире весьма часто даёт о себе знать, что, прежде всего, связано с научно-техническим прогрессом и с быстрым внедрением технических инноваций в повседневную жизнь общества. Примером тому служат компьютеры, сотовые телефоны, которые старшие осваивают с помощью своих детей и внуков. Этот фактор позволяет старшему поколению понимать культурное значение технических инноваций и корректировать область и масштабы их использования. Так, государство, в аппарате которого находятся преимущественно представители старшего поколения, имеет полное основание регламентировать применение компьютерных игр, дабы технические новшества не привели к ожесточению и разращению нации.

Таким образом, если молодое поколение обеспечивает распространение инноваций, то старшее поколение регламентирует масштабы и области их применения. Такое взаимодействие поколений должно способствовать сохранению фундаментальных нравственных ценностей, установлению разумных отношений между людьми и развитию общества в целом.

Значительную роль в вопросе регулирования отношений между поколениями может сыграть законодательство. Последнее способно не только предотвратить такие формы поведения, которые считаются

недопустимыми с точки зрения человеческой природы, но и стимулировать чувство ответственности за своего ближнего. Например, если взрослый человек курит, находясь в непосредственной близости от ребёнка или несовершеннолетнего, то в отношении нарушителя уместно применить наказание – взять штраф. Если же, органами правопорядка замечен родитель (или родительница), который курит при прямом общении с грудным ребёнком, то штраф необходимо утравивать. То же самое касается и вопроса об употреблении спиртных напитков в общественных местах, особенно вблизи дошкольных и школьных учреждений.

В любом случае позитивное право призвано максимально жёстко препятствовать растлению молодого поколения, которое не должно видеть примеров недопустимого поведения со стороны старшего поколения. Вместе с вышеизложенной мерой уместно провести и такой закон: в каждом роддоме женщина при поступлении проходит тест, согласно которому определяется, курит она или нет. Если женщина не курит, то ей должно быть предоставлено максимально качественное бесплатное медицинское обслуживание; для тех же, в организме которых обнаружена достаточная доза никотина или кальяна, медицинское обслуживание должно быть платным (безусловно, это не снимает правовой и моральной ответственности врачей за жизнь матери и ребёнка). Если же родители не в состоянии оплатить медицинские услуги, то отец ребёнка обязан отработать долг на том или ином предприятии. Если же он не может найти себе работу, то предприятие, где он отработает долг, определит государство. При отсутствии мужа у роженицы, она, после своего восстановительного периода, также может отработать кредит за медицинские услуги. Данный законопроект предполагает развитие не только государственной ответственности за детей, но и лично-родительской.

В то же время правовые требования должны выдвигаться и к молодому поколению, а если представители такового не достигли 14-летнего возраста, то за них правовую ответственность обязаны нести их родители. Так, в Белгороде уже исполь-

зается следующая практика: в школах работают милиционеры, обязанные штрафовать детей и их родителей за курение, за употребление спиртных напитков, за сквернословие на территории школы. Если такую практику ввести в школах и детских лагерях отдыха повсеместно, в масштабах всей страны, то процесс воспитания коснётся не только детей, но и их родителей, некоторые из которых сами, разговаривая со своими детьми, употребляют нецензурную лексику. Здесь поднимается вопрос не только об изъятии через штрафы денежных средств с родителей для нужд бюджетных организаций, но и вопрос развития у родителей понимания того, что никакие денежные средства не могут иметь какой-либо ценности по сравнению с чистотой души человека. Гораздо более высокие штрафы следует вводить для нарушающих дисциплину детей, чьи родители занимают руководящие посты в государстве, являются чиновниками на разных уровнях, работниками правоохранительных органов. Безусловно, при введении данных законов работникам образовательных, воспитательных и правоохранительных учреждений важно разъяснить то, что закон должен выполняться принципиально, максимально строго, и никаких разговоров, таких, как «на первый раз прощаю», не должно быть, ибо подобная жалость к ребёнку есть, в сущности, лицемерие или угодничество, подрывающие авторитет педагога и провоцирующие в ребёнке чувство безответственности.

Кстати, такие меры необходимо применять и для детей, которые живут в интернатах. Штрафы же с нарушителей следует изымать с денежных накоплений, которыми государство их обеспечивает. В интернате в качестве штрафа уместно использовать гораздо более объёмное трудо-

вое воспитание, например, на сельскохозяйственных работах.

Конечно, мне могут возразить, отметив, что вышеописанные законопроекты слишком жёсткие. По-моему, истинная жестокость проявляется в попусении греху, следствием которого является духовная деградация и физическое вырождение нации. Так или иначе, но в России за последние 10 лет резко выросло число детей с умственными, физическими заболеваниями и отклонениями, интеллектуальный же потенциал нации резко снизился. Так что подобный либерализм здесь неуместен, ибо приведёт к исчезновению русского народа как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н. Философия свободы. М.: АСТ, 2002. – 736 с.
2. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 8. – М.: «Правда», 1982. – 461 с.
3. Лихачёв Д. С. Как говорить // Письма о добром и прекрасном. - М., 1989.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2002. – 526 с.
5. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. – 429 с.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. 1999.
7. Тер-Минасова С.Г.. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000.
8. Флоренский П. Христианство и культура. М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2001. – 672.
9. Эткинд Э. Г. Мысль и слово в поэзии и прозе // Slavic almanach. Volume 6 / Number 9, 2000, UNISA. – С. 15-34.
10. Matters of life and death. New Introductory Essays. Edited by Tom Regan, 1986, New York: Mc Graw-Hill, Inc.

PROBLEM OF CULTURAL HERITAGE SUCCESSION BETWEEN GENERATIONS

Panishchev A.L.

Kursk social education institute (branch) of Russian state social university, Kursk

This article is devoted to the problems of relations between the generations. The main factors, which keeping the relations between the generations, are the language and the history of people. In the country the language and the history of the people necessary protects by means the state law. In the question of regulation the relationships between the generations special attention turns to the law.